

Адольф Бергшё огляделся по сторонам. Ему почудилось нечто знакомое. В слабом свете одинокого уличного фонаря все вокруг приобрело мягкие очертания. Он напрягся, пытаясь вспомнить. Ведь он уже бывал здесь раньше? Или же нет? Он продрог. Мороз пощипывал кожу, старик обнял себя обеими руками, тщетно пытаясь отыскать зацепки в туннелях памяти, которые в последнее время все чаще приводили в тупик. Земля под ним покачнулась, он схватился за столб, чтобы удерживать равновесие. То, что вокруг было темно, как в погребу, за исключением крошечного островка света под фонарем, еще больше усугубляло ситуацию. Темнота не давала точек опоры, за которые можно было бы зацепиться. Ни одного спасательного круга среди черноты. Ничего знакомого, что могло бы подстегнуть сознание. Поскольку земля под ним продолжала покачиваться, он судорожно вцепился в столб и опустился на колени. Влажные ладони обожгло ледяным металлом. Как когда-то в детстве, когда лизнул мерзлую водосточную трубу рядом с крыльцом, и маме пришлось полить его теплой водой, чтобы вызволить из рабства его примерзший язык.

Он напряженно вглядывался в темноту.

Ничего.

Работу мысли затрудняло то, что все вокруг, погруженное в глубокий мягкий снег, было лишено четких границ и очертаний. В последние дни постоянно мело, и метель не унималась. Удивительное обстоятельство, учитывая, что дело происходило в середине ноября и не где-нибудь на севере, а в Сольне неподалеку от Стокгольма. Однако сам Адольф Бергшё не

осознавал этого, стоя под снегопадом, от которого растаявшие снежинки стекали по лицу тонкими струйками.

Потеря ориентации у Адольфа Бергшё объяснялась тем, что ему было восемьдесят восемь лет и он страдал болезнью Альцгеймера — о чем он тоже не знал. Однако он остро ощущал на себе влияние болезни. Как сейчас. Он был уверен, что узнает это место, но память отказывалась служить ему. Зрительные впечатления поступали в мозг, нервные окончания схватывали их. Но дальше дело стопорилось. Впечатления не перерабатывались, как он ни старался. Сигналы попадали не туда, он был не в силах извлечь ничего из памяти, напоминавшей запертый сейф.

Его забывчивость не создавала бы столь серьезной проблемы, не стой он в данный момент среди танцующих снежинок в одной зеленой ночной рубашке с логотипом «Case4Me» на спине. Больше на нем ничего не было, даже носков. Подгузник, который на него надели на ночь, он умудрился снять и оставить в коридоре дома престарелых, расположенного всего в ста метрах от того места, где он стоял. Не помнил он и того, что именно этот подгузник, переполненный и к тому же натирающий, разбудил его среди ночи. Он не помнил, что позвонил в звонок вызова ночной медсестры, а когда никто не пришел, предпринял попытку сам найти дорогу до туалета. Подсознательно он помнил, что дневные медсестры огорчались по поводу того, что он изводит слишком много подгузников.

Адольф Бергшё, всю жизнь живший по принципу, что надо делать все от тебя зависящее и не становиться обузой другим, понял, что ночная медсестра занята другими, кто больше нуждается в ее помощи. Пациентами, которые по-настоящему больны, а не просто желают удовлетворить свои надобности.

Трудности начались, едва он отправился на поиски туалета. Ему почему-то пришло в голову, что туалет в коридоре, а не в отделении, из которого он только что вышел, а оказавшись в коридоре, он забыл, по какому делу идет. Бродя взад-вперед, он пытался вспомнить, куда ему надо, что позднее подтверди-

ли камеры наблюдения, зарегистрировавшие его движения. Те самые камеры, которыми заменили постовых медсестер, дежуривших ранее на каждом этаже. Отчаявшись и собравшись повернуть назад, он обнаружил, что не помнит, где его комната. Какая дверь его? И на нужном ли он этаже? Все выглядело совершенно одинаково.

В конце концов он добрался до автоматических дверей выхода, которые открывались только изнутри. Шагнув на каменные плиты за дверями дома престарелых, Адольф Бергшё не отдавал себе отчета, что в этот момент сделал решающий шаг в своей жизни. Ему и в голову не приходило, что он шагнул навстречу скорой смерти.

На видео камер наблюдения на следующий день ответственные лица могли наблюдать, как Адольф Бергшё бесцельно бродит у входа с выражением лица, явно демонстрирующим изумление от адского холода. Записи показывали, как он шаркающими шагами кружил на месте, останавливался, опустив голову, обхватив себя руками. На заднем плане виднелись автоматические двери, никак не реагиовавшие на его действия. Они не сдвигались ни на миллиметр. Запись кончалась на том, как Адольф Бергшё исчезает из виду, удалившись в темноту.

Дрожа от холода, он предпринял новую неудачную попытку сделать несколько шагов вперед по снегу. Вон там, в темноте, стоит скамейка, засыпанная снегом, — не на ней ли он сидел этим летом? Но вправду ли он дома? Или перед ним скамейка на большом хуторе Норра Стургорден в Сала? Но перед домом, где он вырос, никогда не было фонаря, так что, наверное, это где-то в районе Вита Берген, неподалеку от того места, где он живет.

Словно при помощи лазера в памяти высветился фрагмент — внезапно он вспомнил. Скамейка не может находиться в Витабергспаркене. Он там больше не живет. В доме, где он прожил бóльшую часть жизни, произошло — как там они это называли? — произошла *реорганизация*. А теперь он живет в доме престарелых.

Он глянул вниз на свои ноги и голые ступни, засыпанные снегом. Холода он уже не чувствовал. Скорее приятное тепло. Пролежни, обычно так мучившие его, тоже не ощущались. Он сел в темноте. А потом улегся в снег, который принял его в свои теплые объятия. Мягкий, как пух, он принял очертания его тела. Снег, проникавший через рубашку, освежал, но это было приятное ощущение. От него прошла и боль в ногах.

Он посмотрел вверх. Жизнь он прожил не зря. Жена и дети. Честно трудился столяром. Хорошие, надежные товарищи по работе. Но ему хотелось бы попрощаться. Не с Керстин — она умерла еще десять лет назад. С детьми. Он помнил их маленькими. Странное дело — воспоминания их ранних лет до сих пор то и дело всплывали в памяти. Как они учились кататься на велосипеде на дорожке за домом. Как сын ел мюсли с вареньем на завтрак. Как дочь примеряла подержанные лаковые туфли. А вот чем они заняты во взрослой жизни, за этим уследить труднее.

Он закрыл глаза и почувствовал, как снег падает ему на веки. А потом под опущенными веками замерцали звезды. В бога он не верил, так что это было не то. Или все же он? Иисус подает ему сигнал? Или просто его ждут мама с папой? Или это Керстин, осторожно постукивающая кончиками пальцев по его тонкой холодной коже? Дальше Адольф в своих размышлениях не дошел, потому что все почернело. Он заснул в снегу.

А поутру только четвертый проходящий мимо собачник обратил внимание на сугроб странной формы, на котором оставил свою метку его кокер-спаниель.

ГЛАВА 1

Пятница. День первый

Амид скользнул взглядом по оттопыренным ветвям в кронах лип. Выстриженная линия на верхушках деревьев продолжалась так же ровно на другой стороне парка Кунгстредгорден. Вукацерка и Ганнибал должны быть довольны работой шведов. Линия огня получилась идеально прямая. Он одобрительно кивнул. Что же касается всего прочего, то оно оставляло желать лучшего. В Стокгольме Амид оказался впервые. Нельзя сказать, чтобы ему здесь понравилось. Скорее наоборот. Будь у него возможность выбирать, он с удовольствием остался бы в Копенгагене.

Ездить ему никогда не нравилось. Потребность в путешествиях удовлетворилась сполна, когда он еще в детстве переехал из Ливана. С тех пор ему очень нравилось никуда не выезжать из датского города, ставшего ему родным, перемещаясь только между чайными домиками у Нёрребро, столиком для игры в нарды в Энгхавепаркен, «Кебабом Кони» на улице Истедгаде, бойнями с домашними тунисскими колбасками мергез и магазинчиками, где продают свежий турецкий айран. В обычных случаях никто и не требовал от него куда-либо ехать. Но на этот раз задание оказалось слишком важным. И провал недопустим. Тем более с учетом прошлого фиаско.

В мае они недооценили своего противника. И лично он тоже. Амид представить себе не мог, что один человек может причинить столько вреда за такое короткое время. Организация «Патриотический фронт» — их главная опора в Шве-

ции — рассыпалась как карточный домик. Руководитель Йорген Кранц теперь отбывает пожизненный срок за убийство полицейских. Его они теперь долго не увидят. Отчаянные попытки Йоргена запустить в сверхсекретном бункере «Новоарийское братство» мало чем им помогут. Скорее наоборот, обычные люди отшатнутся при виде откровенно угрожающих манер этой компании. Бритоголовые накаченные анаболиками парни с татуировками на бицепсах и драконами на мощных загривках. Не совсем то, что им сейчас нужно.

Вся идеологическая и экономическая поддержка, оказанная «Патриотическому фронту», оказалась выброшенной на ветер. Но хотя они и потеряли миллионы, главной потерей стало не это, а прекратившееся идеологическое давление. С деньгами у них как-никак все в порядке.

Теперь шведские энтузиасты разбросаны по стране словно бродяги, и никто не может их возглавить. Хотя количество любителей родины в Швеции в последние полгода возросло, координации как таковой не существует. Может быть, за исключением «Движения сопротивления», но они по-прежнему слишком капризны и слишком малочисленны. Бог знает, сколько еще предстоит возиться, чтобы снова спустить на воду шведскую шхуну — если овчинка вообще стоит выделки.

Амид посмотрел на часы.

Осталось пятнадцать минут.

По телу пробежал холодок. Амид плотнее запахнулся в шерстяное пальто из альпаки. Правда, Копенгаген не то чтобы южный курорт, но в Стокгольме погода оказалась гораздо хуже. Никак не удавалось сохранить тепло — похоже, из-за тумана, окутавшего все в этот ноябрьский день. Холод и сырость проникали сквозь одежду, пробирали до костей. Ко всему прочему грязно-коричневые сугробы вдоль тротуара напоминали кучи испражнений у окопов на Голанских высотах — в том месте, о котором он старался забыть. Казалось, кто-то там, наверху, хочет еще раз подчеркнуть, в какой дерьмовый город он попал. Впрочем, он и не в отпуск приехал, оставалось только стиснуть зубы и делать свое дело.

Он отскочил назад, но было уже поздно — колеса проезжающего мимо этанолового автобуса подняли целый каскад грязи, который попал Амиду на брюки. Талая вода, перемешанная с грязью, проникла сквозь швы кожаных ботинок. «Снег в ноябре, что за идиотизм?» — подумал он, с раздражением отряхивая брюки. Надо сосредоточиться. Спрятавшись в тени за писсуаром, он разглядывал вход в главный офис банка SEB на другой стороне улицы. Перед ним возвышался роскошный портал — в исключительно странном, истинно шведском, обрамлении. Амид изучал его уже в четвертый раз и все равно не переставал удивляться. Над дверями банковского дворца, одного из самых величественных в Стокгольме, свисала, склонившись из виноградной грозди, нагая женщина, с провокационно неприкрытыми половыми органами и столь же обнаженной грудью. К тому же ее огромные бедра извивались по-змеиному, исчезая во внутренних помещениях банка. Непонятный язык, невероятно далекий и чуждый его ливанскому менталитету. Если они хотели изобразить русалку, то тогда, вероятно, у нее есть какие-то датские корни, но почему же она висит на стене над входом в шведский банк — это выше его понимания.

Взглянув на часы в мобильном телефоне, он сверил время с золотыми стрелками на церкви Св. Якоба наискосок позади от него. Момент скоро настанет. На часах 16:25. Они всегда выходят в одно и то же время: в 16:30.

Он чувствовал себя совершенно спокойно. Все участники точно знали, что делать. Оборудование позволяло работать в темноте, которая уже подступала.

Он снова принялся разглядывать фасад головного офиса SEB. На стенах виднелись и другие дорогостоящие скульптуры: торговцы, ремесленники, мореходы и прочие исторические группы. Справа в конце двое банкиров делили между собой мир. Он подумал, что они выглядят как типичные евреи. Тут, по крайней мере, художнику удалось передать реальную картину мира. Сам Амид хорошо знал «протоколы сионских

мудрецов»¹. То, что евреи готовят заговор, намереваясь захватить мировое господство, — факт. Отчасти именно поэтому он находился сейчас на этом месте. Однако Амид и не подозревал, насколько он и создатель скульптур, покойный Карл Миллес, были единомышленны в этом идеологическом анализе.

Две минуты до половины пятого. Он снова бросил взгляд на церковь Св. Якоба, но ничего не мог разглядеть под маленьким куполом на вершине башни. Так и должно быть. Одной кнопкой выбрав номер в мобильном телефоне, он слушал, как звучат сигналы вызова.

Осталась одна минута.

Ганнибал и Вукацера посмотрели на церковь Св. Якоба. Ржаво-красные стены как будто нависли над ними. Оба держались в тени, рядом с тяжелой резной деревянной дверью. На спинах у них были черные военные рюкзаки той же марки, какую используют датские полицейские — «TasGear». В рюкзаках помещалось все необходимое. Оба посмотрели на часы в мобильном телефоне. Осталось пять минут.

Мимо них прошла светловолосая женщина. Вукацера не уставала удивляться, что все эти светловолосые люди, которых она в таком количестве наблюдала в последние дни, одного с ней происхождения. Она тоже опосредованно происходила от арийцев — через готские племена, поселившиеся когда-то очень давно в Хорватии. В этом вопросе она всегда полностью поддерживала дедушку: исключено, чтобы их семья происходила от иной расы, в особенности от коммунистических сербов, что бы там Тито ни пытался вбить им в голову. Впрочем, это из другой эпохи — она давно оставила все это позади. Теперь борьба ведется другими способами. Она не могла позволить себе отвлекаться на мысли о тех противо-

¹ «Протоколы сионских мудрецов» — подложный антисемитский документ, в котором излагаются планы евреев по установлению мирового господства и разрушению христианского мира. (Здесь и далее — прим. перев.)

речиях, которыми было исполнено ее детство у бабушки с дедушкой, о тех разговорах за столом, когда отличия хорватов от сербов обсуждались в мельчайших деталях.

Она разглядывала людей, проходивших мимо по Кунгстредгордену в преддверии рождественской лихорадки, не подозревающих о той опасности, которая над всеми ними нависла. Исламизация идет полным ходом, а они бродят, как заблудшие овцы, размышляя о будущем празднике и подарках детям. Верно говорят, что мы не ценим того, что имеем.

Но именно поэтому она здесь — чтобы помочь подкорректировать тенденцию. Остановить захват. Хотя это точное хирургическое вмешательство — всего лишь крошечная часть долгосрочной работы.

Укол иглой.

Так обычно и бывало, когда вызывали их с Ганнибалом. Никаких деталей она и на этот раз не знала. Только то, что необходимо для выполнения задания.

Сама она выросла с необходимостью постоянно отстаивать свое наследие, в тени гражданской войны девяностых. В точности как все предыдущие поколения, жившие до нее в Хорватии. Ничто не дается просто так. Тут ей пришлось признать правоту четников¹ в Сербии. В конечном итоге именно мусульмане оказались самой большой опасностью в распадающейся Югославии.

Ганнибал обернулся к ней и сделал знак двумя пальцами, показывая, что скоро пора будет войти в церковь. В глубине души она надеялась, что в будущем станет больше людей с такой внешностью, как у него. Светлые волосы с чуть рыжеватым отливом, синие глаза. Высокий и широкоплечий. В ее глазах он достойно нес свое наследие викингов. Контраст с ней самой был огромен. Несмотря на свое готско-арийское происхождение, она была темноглазая, с черными волосами и к тому же невероятно низкорослая, всего метр шестьдесят.

¹ Четники — военные формирования в Сербии, обычно националистического (великосербского) толка.

Однако свою внешнюю невзрачность она с успехом компенсировала тем, что стала лучшей в своем деле, что в конечном итоге принесло ей уважение в организации. По крайней мере большинства. Именно поэтому она и направлялась сейчас в церковь Св. Якоба. Дедушка начал тренировать ее с пяти лет, и со временем она стала одним из лучших снайперов Европы. Она была ровесницей тех детей, которых он тренировал в рамках молодежного движения «Усташка Младеж» во время прошлой войны. Детей, которые позднее вошли в «Црна Легиа» — «Черный легион», чтобы сражаться с евреями и коммунистами. Дедушка был уже старенький, когда взялся за ее подготовку, но знания и терпение остались при нем. Она знала, что сохранила его наследие лучше, чем кто бы то ни было. Знала она и то, что Ганнибал, молча шагающий рядом с ней, несмотря на всю свою уважаемую внешность, был самым слабым звеном в цепи. Единственное, чем он может похвастаться, — обучением в школе обороны в Копенгагене и полугодовой практикой в Афганистане, где он возглавлял группу снайперов «Armadillo» на военной базе в провинции Гильменд. Тем не менее ответственным за проведение операции назначили его.

Сделав глубокий вдох, она сильно ударила себя по щекам ладонями и зашла вслед за Ганнибалом в церковь. Стало жарко, когда кровь прилила к мелким сосудам. Нужно полностью собраться перед тем, что ее ждет.

Войдя вовнутрь, они несколько секунд стояли неподвижно, пока глаза привыкали к тусклому освещению. В церкви было не совсем пусто. Впереди на скамьях сидели две пожилые дамы, а у алтаря с фотоаппаратом в руках стоял какой-то турист. Все были обращены спиной к ним и заняты своими делами. Подождав секунду, они с Ганнибалом быстро двинулись внутрь помещения, скрываясь за колоннами. Теперь они уже не влюбленная парочка, приехавшая на выходные, в ярких куртках, шагающая в обнимку, как когда они в предыдущие дни проводили рекогносцировку вокруг церкви. Теперь они — отряд особого назначения. Однозначно гораздо лучше.

От напряжения чувства у нее обострились, когда она вслед за одетым в черное Ганнибалом двинулась вверх по лестнице, ведущей в башню. Средневековую деревянную дверь, ведущую в потайные помещения церкви, они легко вскрыли отмычкой накануне. В узком пространстве Вукацерка слилась с темнотой. Дело начато. Баланс восстановлен. Ганнибал снова просто коллега — почти равный ей по уровню. Стремительным шагом они направились к люку, выходящему на крышу. Согнувшись, протиснулись через отверстие, выбрали себе по бойнице и быстро легли рядом, положив перед собой рюкзаки. Открытое пространство на башне было небольшое, но его вполне хватило, чтобы лежать, вытянувшись, нажав оружие наружу. В бойницах не было стекол, только низенькое ограждение, призванное помешать неосторожному посетителю выпасть и пролететь пятьдесят метров до земли. Отверстия в каменном ограждении были достаточного размера, чтобы просунуть ствол ружья, при этом они с Ганнибалом оставались невидимыми. Ветер жутковато свистел на вершине башни, и на мгновение Вукацерка встревожилась, что массивный купол у нее над головой, поставленный на колонны, закачается. Свежий ветер охлаждал ей лицо, когда она растегнула молнию рюкзака. Ганнибал в метре от нее сделал то же самое.

Никаких лишних движений.

Никаких разговоров.

Через бойницу она взглянула вниз на Кунгстредгорден, окинув взглядом кроны деревьев. Линия идеально ровная. «Шведы отлично поработали с нивелиром», — подумала она и привинтила ствол к прикладу. Надев на себя комбинезоны работников паркового хозяйства, шведы подстригли густые ветки, заслонявшие линию огня. Слабый свет фонарей освещал улицу Кунгстредгордсгатан. Закрыв глаза, Вукацерка наслаждалась приятной тяжестью оружия в руках, вдыхала приятный запах смазки. Прохладная гладкая поверхность будто ласкала кожу.